

Пенные гребни волны разбили отражение луны — оно расколосось на тысячи осколков света.

Волна, поднявшаяся из пятого сектора, прокатилась через четвёртый, третий, второй — и вместе с её разбитыми бликами двигалась она; на её пути мелькали лица инквизиторов — испуганные, решительные, безучастные.

Если бы она могла, она бы с радостью увлекла всех этих людей за собой, вглубь своего сияния. Но сегодня — нет. Сил, что она смогла внедрить под Большой запечатывающий ритуал, не хватало. Учитывая, что ей пришлось столкнуться с преградой.

Вот она — преграда.

Пусть это всего лишь голубь.

***

— Ты убил ту мерзость, что находилась под влиянием Девы Серебряной Луны и моей повелительницы? — хмыкнул Моисей, смотря, как Фельдграу спокойно складывает снайперскую винтовку. — Неудивительно. Инквизиция всегда была такой — жёсткой. Но, знаешь, теперь это уже ничего не изменит.

— Да, — кивнул Фельдграу, задумчиво опуская глаза. — Листчес Азари точно мёртв, но большая часть силы Девы Серебряной Луны сбежала.

— Естественно, — холодно усмехнулся Моисей. — Ты что, думал, она погибнет вместе с этим мясным сосудом? Ха! К тому же то дерево было таким уродливым... Конечно, она его бросила. Оно своё отслужило — показало, где хранится «Раковина», и не смогло прорваться через твой барьер. Зачем дерево ей теперь? Мёртвым оно даже удобнее. Уверен, у неё есть другие планы, — он цокнул языком и ухмыльнулся. — Молодёжь, молодёжь... столько сил впустую.

Фельдграу немного подумал и спокойно сказал:

— Всё равно спасибо.

— Что? — нахмурился Моисей.

— Спасибо, что присмотрел за «Раковиной», — объяснил Фельдграу. — Иначе я не смог бы

отвлечься и проверить, что происходит с Листчесом Азари. На поле боя всё шло плохо — многие инквизиторы уснули под его влиянием. Если бы Дева Серебряной Луны нашла «Раковину» через их сны, они бы после пробуждения все сошли с ума, — он чуть улыбнулся. — Так что ты спас их. Искренне благодарю.

— ...

Моисей застыл.

— Чёрт побери! — наконец взвыл он. — Откуда у этого чокнутого вояки такие странные последователи?!

«Тот юный тёмный бог, что получил пулю от апостола Близнецов Диссонанса и при этом назвал его красивым — странный! И этот самый апостол — такой же странный!»

Моисей был в бешенстве. Ему хотелось, чтобы девятьсот лет назад он действительно умер, а не просуществовал до этого дня. Он с силой вонзил в пол трезубец— тот самый, который достал, когда Фельдграу попросил «присмотреть за "Раковиной"».

Теперь его лицо стало ещё злее.

— У тебя ещё хватает духу болтать?! Не смей недооценивать эту потаскуху! Мы с повелительницей думали, что избежали её засады... А потом — она пришла!

И в тот же миг появилась вода — волны, несущие разбитые осколки лунного света.

Когда гребень первой волны прорвался в запечатанную комнату, улыбка исчезла с лица Фельдграу. Он поднял белый автоматический пистолет, до сих пор почти не использованный, и выстрелил без прицеливания.

Прозрачная, холодная пуля вонзилась в падающую волну.

Волна была лишь призрачной — или, точнее, сном, наложенным на реальность. После того как фантомное дерево рухнуло и лес исчез, эта вода утратила вещественность.

Но выстрел Фельдграу всё равно попал точно — стена воды застыла в воздухе.

Лунные блики внутри неё тоже замерли. Верховный инквизитор, с движениями, недоступными обычным людям, перехватил дробовик «Громовой чих» и выстрелил вперёд.

Бабах!

Сотни мелких стальных шариков ударили в лёд — каждая пуля точно в цель, в осколок застывшего света.

Лёд разлетелся! Световые пятна исчезли, будто это были пузырьки воздуха в воде.

Моисей, нахмурившись, встал между «Раковиной» и волной, подняв свой трезубец. Фельдграу шагнул вперёд, и белый пистолет вместе с дробовиком выпустили второй залп.

Следующая волна уже обрушивалась — но, перед тем как замёрзнуть, словно утратила силу, потеряла импульс и распалась, растекаясь в стороны.

Она изменилась мгновенно, но Фельдграу среагировал так же быстро: траектория прозрачной пули сменилась, ударив точно вниз.

Третья волна поднялась следом — неся в себе ещё больше лунных осколков.

Осколки света прыгали между водой и льдом. Многие из них уничтожались дробью; но они, отражаясь и преломляясь, множились вновь, стремясь зацепиться за ослепительно белые стены.

Фельдграу не обернулся, когда за его спиной один из запасных дробовиков повернулся в воздухе, словно подхваченный невидимой рукой, и выстрелил в стену.

Стена рухнула. Свет, не успевший увернуться, угас.

Понимая, что происходит, Моисей уже спрятал «Раковину» за пазуху, завернув её в свою изорванную белую одежду, чтобы свет не коснулся её поверхности.

Фельдграу, в состоянии «время пули», бросил на него короткий взгляд.

«Перед лицом Девы Серебряной Луны этому Гуппи можно доверять», — решил он.

Новая волна поднималась. Биться с отпечатком силы Девы в таком тесном помещении не имело смысла — он собирался отступить наружу.

«Главное — не дать свету коснуться "Раковины".»

Он попытался жестом показать Моисею, что нужно делать.

Но не успел — на лице голубоволосого русала появилось выражение шока.

У их ушей раздался нарочито нежный, почти жеманно-сладкий женский смех.

Звук волн — тот самый, что после наложения сна на реальность не смолкал ни на секунду — вдруг прервался.

Почему море рождает нескончаемые волны?

Потому что дует ветер. Потому что движется земная кора. Потому что бледное небесное тело кружит вокруг планеты, и вода, влекомая его притяжением, поднимается и спадает.

А значит — если она захочет, она может в один миг усмирить прибой.

И в этот самый миг апостол богини снов исчез.

«Раковина», которую он прижимал к груди, лишилась защиты и начала свободно падать вниз. На медовый янтарь, опутанный прозрачной лентой, легли все отблески света.

Серебристые блики луны заиграли на сетчатой поверхности «Раковины».

Фельдграу уже направил ствол на них, но даже он не знал — стрелять ли? Стоит ли в одно мгновение уничтожить и лунный свет, и «Раковину» вместе с ним?

Хватило одного мгновения. Лишь одного.

Все дрожащие осколки света погасли. Она уже вошла.

Шум прибоя вернулся. А вместе с ним — и синеволосый русал, только теперь лицо его было мертвенно-бледным.

Он исчез столь ненадолго, что успел поймать «Раковину» ещё до того, как она ударилась о пол.

Но что толку!

— ...Ваши инквизиторские запечататели... — Моисей с трудом проглотил поток ругательств, стискивая зубы. — Почему они не могли использовать непрозрачную ленту?!

«Потому что, — вспомнил Фельдграу старый регламент Инквизиции, составленный за девять веков управления "Раковиной", — силы Мелодии Раковины всё ещё активны, и нужно оставлять окно для наблюдения...»

Он нахмурился, его лицо стало жёстким.

— Теперь... остался только один способ.

— Ещё какой, твою мать, способ?! — Моисей раздражённо метнул на него взгляд.

— Мы пойдём туда же — в этот сон. Я убью ту часть силы Девы Серебряной Луны, что вошла туда, — серьёзно ответил Фельдграу.

— ... — Моисей застыл.

«Настоящий поступок в духе Близнецов Диссонанса!»

— Ты можешь провести меня внутрь? — продолжил Фельдграу, не глядя на него и заправляя свежий магазин.

В каждом его движении сквозила готовность убивать. Моисей уже покрылся холодным потом.

Не получив ответа, верховный инквизитор решил, что тот напуган, так что он склонил голову и, постаравшись смягчить выражение своего лица, спросил ещё раз:

— Ты можешь провести меня внутрь, верно?

Моисей не мог. Но он чувствовал, что если откажется, то получит прикладом по лбу.

Тем не менее, как старший и, по сути, древнейший из присутствующих — живший девятьсот лет — русал сохранил самообладание.

— Погоди, — выдавил Моисей.

Он поднял «Раковину» до уровня глаз, раздумывая, потом сорвал смятую прозрачную ленту.

И с видом, будто всё под контролем, произнёс:

— Отвернись.

Любой другой инквизитор решил бы, что апостолу тёмного бога нельзя доверять, что тот сейчас просто украдёт «Раковину».

Но Фельдграу лишь мельком взглянул на него — и послушно развернулся.

«Как старший, мне бы стоило его проучить, — с мрачным сарказмом подумал Моисей. — Пусть бы узнал, как опасен мир».

Он наклонился к гладкой поверхности янтаря, где отражалось его искажённое лицо, и беззвучно произнёс:

«Линь».

Он звал.

Назвать божественное имя было бы надёжнее, но он его не знал, так как после двух предыдущих контактов он решил, что не хочет иметь дела с этим «семенем».

«Надеюсь, это странное имя, которое произносили те инквизиторы, и есть его настоящее», — подумал Моисей.

И в следующий миг отражение в янтаре изменилось — на месте русала оказался смутно различимый молодой человек.

У этого человека были серебряные глаза.

***

Гигантская волна ударила по залу Большого запечатывающего ритуала.

Она была призрачной: ни одна вещь в комнате не намокла.

Кроме Линя. Он сейчас напоминал мокрую курицу.

— Линь! — вскрикнул Аллет.

Вернее, вскрикнул дважды — сперва от ужаса при виде волны, а потом, осознав, что та ничего не разрушила, облегчённо вздохнул... и снова вскрикнул, заметив, что волосы и одежда Линя текут ручьями.

— Что с тобой такое?! — Аллет бросился за одеялом (когда он бегал во второй раз закрывать офис, разум к нему вернулся, и он прихватил с собой еду, воду, грелки, одеяла).

— Ничего, наверное, проклятие, — лениво ответил Линь, прикрываясь тем же оправданием, которое придумали Яркитога и верховный инквизитор. Он закутался в одеяло и чихнул.

— ... — Аллет побледнел. Не хватало ещё, чтобы тот простудился.

В этот момент зазвучали шаги. Линь насторожился — в зал вошли три боевые группы поддержки.

«Наконец-то! Ну не могли же они поручить оборону одним лишь ритуалистам».

Когда прибывшие быстро расставили посты, даже Аллет расслабился.

Среди них была элементаристка, которая вежливо помогла Линю, вытянув всю влагу из одежды и волос.

Они выстроили оборону внутри и снаружи зала запечатывания, настоятельно советуя обоим ритуалистам немного отдохнуть — особенно Линю, который продолжал чихать.

Через несколько минут он уже сидел в углу, укутавшись в сухое одеяло и прижимая к себе грелку.

Аллет хотел позаботиться о нём, но, будучи абсолютно беспомощным в уходе, был безжалостно отослан — следить за застывшей Яркитогой.

И тогда Линь услышал, как его кто-то зовёт.

«Кристабель? Сейчас же утро; она должна быть в театре, на репетиции. Неужели что-то случилось?»

Он был измотан, но всё же откликнулся — не хватало ещё, чтобы его единственная верная последовательница погибла от собственной глупости.

Через зеркала, расставленные в зале запечатывания, он последовал на зов — и, встав около одного из них, застыл.

Перед ним был Моисей.

«Опять этот русал... Откуда он теперь взялся?.. А за спиной у него... верховный инквизитор?!»

<http://bllate.org/book/12612/1119990>